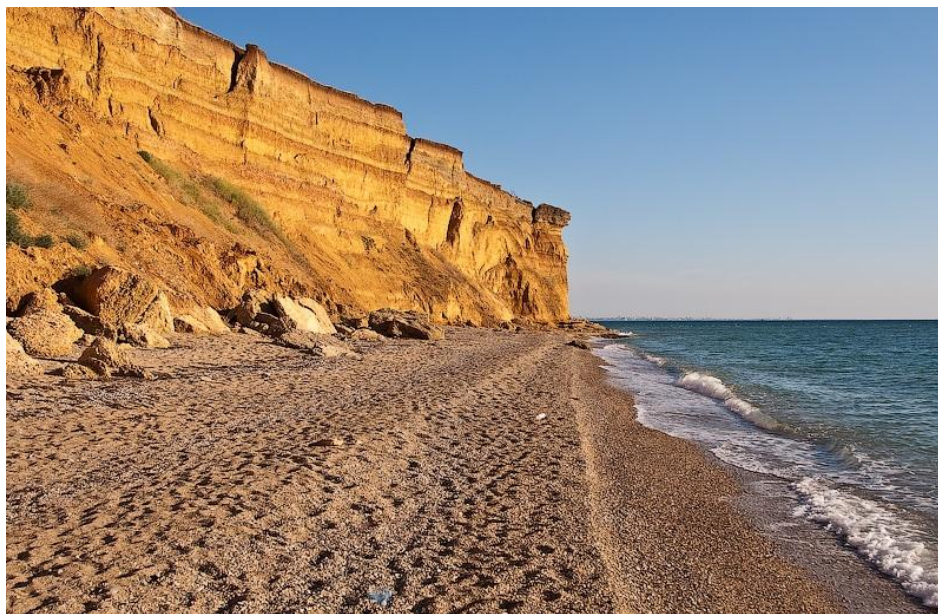

Крымский мускат

Вы знаете когда человек свободен?

Нет, не в смысле демократических посиделок шестидесятников на узких московских кухнях с бутылочкой и не в смысле первых питерских рок-концертов дозволенного советского андерграунда, и даже не распечатанный на неряшливом ротаторе «Архипелаг». Индивидуально, внутренне человек становится свободным когда не надо спешить. Когда его не ждут неотложные дела, не ждут дома, его не поджимают долги и работа, и даже вечная гонка за мифическим счастьем кажется суетливой и мелкой. Это новое ощущение пришло ко мне неожиданно, в месте, где я никак не предполагал наслаждаться созерцательным покоем: на Черном море.

Кача, пляж. 2000-е годы. По материалам Интернета.

Черноморский авиационный гарнизон Кача в окрестностях Севастополя я знал давно. Все свое детство я регулярно посещал гостеприимный дом старинных друзей родителей, чтобы отдохнувшим и загоревшим отправиться обратно в Москву, навьюченный неподъемными ведрами с крымскими фруктами. Дети – племя неблагодарное, и я быстро привык воспринимать бесплатное проживание на черноморском побережье, как должное. Время летело быстро, и в последний раз я приезжал в Качу уже вполне взрослым, в пятнадцать лет, когда вынужденная компания матери и младшей сестры не вызывала у меня должного энтузиазма. Однако, в июле 1981-го года, получив наконец свои долгожданные лейтенантские погоны, я отправился именно в Качу, сделав логичный выбор в пользу провинциального, пляжного безделья под глинистым морским обрывом. После изнурительного пятого курса, наполненного самыми разными проблемами, хотелось одного – отдыха, и я с радостью отправился в Крым, чтобы достойно провести свой последний институтский отпуск.

На качинском аэродроме. 2000-е годы. По материалам Интернета.

Качинский гарнизон имеет славную историю. Легендарное Качинское летное авиационное училище, стоявшее на самом краю крымской степи, над обрывом, было переведено вглубь страны во время войны, но имя свое сохранило, и из него продолжали выпускать военных летчиков, многие из которых стали героями. До развала СССР, когда никто и не думал делить Крым, в старом поселке, находящемся чуть дальше печально прославившегося в связи с М. Горбачевым Фороса, доблестно несли службу авиационные полки Черноморского флота: транспортный и вертолетный с противолодочными вертолетами Ка-27. В доброе старое время в степи был расположен дивизион зенитных ракет, на позицию которых я сам случайно набрел в детстве, изучая отдаленные окрестности.

Жизнь провинциального гарнизона в течение года мало отличалась от сотен других, разбросанных по огромной стране, и только с наступлением летнего курортного сезона безымянный поселок расцветал всеми красками черноморского побережья. Родные, близкие, друзья и знакомые друзей неожиданно проявляли завидную активность и настойчиво посещали гостеприимных крымчан с короткими и не очень визитами. На несколько месяцев население поселка Кача и одноименного гарнизона увеличивалось в четыре раза, значительно напрягая скромные коммунальные службы и принося доход местному рынку, известному своими замечательными фруктами и низкими, по сравнению с Москвой, ценами. Мой внезапный приезд в Качу восприняли вполне благосклонно, как обычно относятся к неожиданно выросшим детям, но с учетом моего возраста и нового статуса, (я стал офицером, что в гарнизоне воспринималось чуть-чуть по-особому), я был роскошно размещен в совершенно отдельном месте – на пляжной «даче».

К началу 1980-х годов командование гарнизона дало людям неожиданное разрешение застраивать заброшенную территорию в районе обрыва под дачи, и через пару лет в пустой расщелине глинистого обрыва вырос своеобразный город из «дач», которые больше всего походили на разномастные гаражи, стоявшие на голове друг у друга. Построенные руками самих офицеров, шабашников и при помощи трудолюбивых матросов срочной службы, гаражи-«сакли» не отличались единством стиля, благообразностью вида или обилием комфорта. Вода и прочие удобства находились наверху обрыва, куда все безропотно ходили по любой надобности. Но, когда вам немного больше двадцати, вы свободны и даже богаты своей первой лейтенантской зарплатой, то ощущать в кармане тяжелый

гаражный ключ от отдельной хижинки с шикарным видом на море, поверьте, это стоило многого. Хорошо растянуться на жесткой лежанке холостяцкого убежища и бесцельно глазеть на голубую даль моря, ощущая легкое жжение соли покрасневшей на солнце молодой кожей.

“I am a woman in love and...” неслись из невидимых транзисторов, настроенных на румынскую станцию “Littoral”, звуки замечательного хита Барбры Страйзанд 1981-го года. Что ж, в старые времена плодами любви звезд иногда бывали не только «искусственные» дети, но и хорошие песни...

Знаменитые качинские «дачи». 2000-е годы. По материалам Интернета.

... Вечер. Идти было решительно некуда. Я стоял под тенистой акацией возле гарнизонного Дома офицеров и вдыхал знакомый с детства крымский воздух. Прошло столько лет, но ничего не изменилось: под фонарями на лестнице белоснежного ДОФа бесились дети, с танцплощадки за углом доносились басы матросского ВИА, куда, держась в тени, шмыгнули дембеля в бескозырках, заломленных на затылок, а в темном парке, между золотыми бюстами летчиков-героев мелькали светлые женские платья и слышался приглушенный смех. Когда мимо меня гулко протопал патруль во главе с долговязым старлеем с повязкой на рукаве, то стало казаться, что я вернулся в прошлое. Все это уже было – и южные ночи, и летчики рижского Скульте, и матросы дальневосточного Хороля, и даже этот бессменный патруль в морской форме возле гарнизонных танцулек был до боли знакомым, как будто его не меняли лет десять...

Впервые в жизни, я понял, что мне не надо было спешить. Никуда. Моя жизнь подошла к очередному рубежу, я снова почувствовал себя вчерашним школьником на пороге большой жизни, с той лишь разницей, что впереди не было

никакого мучительного выбора, и время впервые стало работать на меня. Получив распределение на Дальний Восток после окончания Военного Института, я мог не торопясь наслаждаться отпуском, ибо никакие мелкие дела не шли в сравнение с тем большим и важным делом, которое ждало меня за тысячи километров на востоке необъятной советской страны. Даже личные вопросы как-то разрешились сами собой, и я вполне мог сказать, что в одиночестве я не останусь...

Ну, что-ж, товарищ лейтенант! Пора приступать к отдыху!

Кача, парк Героев, 2000-е годы. По материалам Интернета.

Я направился внутрь Дома офицеров в надежде найти в местном буфете что-нибудь достойное курортного настроения. Внутри было светло, где-то наверху играл духовой оркестр, развлекавая солидную, ветеранскую публику легкими вальсами. Наглядная агитация была, как всегда, на высоте, напоминая легкомысленным пляжникам, что они находились на территории гарнизона славной военно-морской авиации. По красивому паркетному полу носилась ребятня, в сторону буфетной двери уверенно направлялось старшее мужское поколение, а прекрасная часть человечества была, как назло, широко представлена гарнизонными старшеклассницами, которые меня абсолютно не интересовали. Однако, я был расслабленно спокоен, юношеская суета была не для меня: я уже был не желторотым курсантом, а солидным товарищем офицером, которому претили легкомысленные, необдуманные романы. Я повернулся на каблуках в сторону буфета, когда неожиданно увидел перед собой невысокого круглолицего парня, который показался мне смутно знакомым.

- Извините, вы в ВИМО не учились на Восточном факультете?

- Я? Да, а что?..

Парень радостно заулыбался, и мы познакомились. Миша, как его звали, оказался московским курсантом-арабистом с третьего курса, который, как и положено в любом институте, знал всех выпускников в лицо. Мишка уже более полугода работал в качинском учебном центре по подготовке ливийских летчиков, куда его отправили посреди учебного года на замену всего на пару недель. Как это обычно было в ВИМО, забрать обратно курсанта забыли, и его учебный год благополучно закончился под акациями черноморского гарнизона. Молодой парень страшно обрадовался, услышав в ответ мою ветеранскую историю, случившуюся

Дом офицеров, Кача, 2000-е годы. По материалам Интернета.

двумя годами раньше, когда я подобным образом застрял в авиагарнизоне на Дальнем Востоке. Мы продолжали радостно болтать, когда я заметил мнущуюся девичью фигуру за спиной курсанта. Парень повернулся, махнул рукой, и к нам подскочило юное создание такой безупречной кукольной внешности, что у меня слова застряли в горле. Девчонка было угрожающе юна, ее неестественно синие глаза сияли такой радостью, что я промолчал и вопросительно посмотрел на своего нового знакомого. Миша снова махнул рукой, и красавица послушно удалилась на прежнее расстояние, чтобы не мешать мужскому разговору.

- Сколько ей лет!?

- Шестнадцать... – пролепетал парень.

- Ты что, е...ся?!!!

- Да... так получилось, - понурился юный Ромео. – Ее родители согласны...

«Еще бы! Согласны!», я набрал воздуха, чтобы обрушить на незадачливого курсанта поток привычных ему аргументов, как вдруг остановился, вспомнив, что совсем недавно сам был таким, бесшабашным и безответственным. Да, и глаза у девчонки, вон, как сияют счастьем! Э-э-эх!..

- Знаешь, тут в буфете портвейн есть вполне приличный! Иногда даже крымский мускат бывает. – Мишка заговорщицки понизил голос, и я неожиданно вспомнил, что я был в отпуске, что мелкие курсантские проблемы отошли в прошлое, и что буфет был вполне логичным продолжением встречи, чтобы замять неловкую ситуацию. Михаил оказался москвичем, и мы быстро нашли общий язык. Он с интересом слушал последние институтские сплетни, мы оживленно болтали про мое распределение, и радостно вспоминали курсантские байки. В ответ курсант рассказал мне много интересного про своих арабских *студентов*.

Кача, Дом офицеров, 2000-е годы. По материалам Интернета

Учебный центр, о котором говорил Михаил, был для крымского гарнизона новой достопримечательностью. Сама по себе идея нахождения на закрытом военном объекте сомнительных иностранцев казалась мне, воспитанному в традиционном духе военной секретности, довольно странной, однако, в соответствии с решением советского правительства в 1980-х годах на базе военных гарнизонов осуществлялась широкая подготовка иностранных военных специалистов различного профиля. Традиционные кубинские и вьетнамские «друзья» отошли на второй план, и жители советской провинции познакомились с арабами, неграми и индусами. Мне повезло, и я не застал в 1979-м году смуглых летчиков в индийских тюрбанах в военной городке Скульте, иначе бы мое замечательное европейское впечатление от старинной латвийской ривьеры в Юрмале стало бы отдавать запахом карри...

Ливийские офицеры, впервые попавшие в СССР, оказались головной болью командования Черноморского флота. Посланцы легендарного полковника Каддафи даже не признавали себя арабами и требовали совершенно особых условий жизни. Сам учебный процесс претерпел значительные изменения, когда ливийцы, в

отличие от всех остальных про-советских «друзей», отказались даже формально изучать марксизм-ленинизм, считая его враждебной идеологией. Вопрос дошел до самого верха, когда в могущественном военно-политическом ведомстве в Москве, было принято высочайшее решение изъять часы полит-подготовки, включая обязательные для всех политинформации. Вслед за политзанятиями из ливийского расписания были вымараны строевая и физическая подготовка, которая, вероятно, ассоциировалась в арабской армии с низшим солдатским сословием. Когда после долгих консультаций были следом отменены все возможные построения, переклички и проверки, логичные для любой армии мира, то учебный процесс со свободным посещением слушателей в степном крымском гарнизоне стал похож на демократический уклад студенческого товарищества в каком-нибудь Кембридже. Но это было не все. После долгих претензий к еде и быту горячие африканские парни направили начальнику учебного центра петицию с весьма своеобразным требованием. Господа летчики требовали проституток.

Флотское начальство было готово ко всему, к скандалам и разборкам на семейной ниве любвеобильных русских дам или что-то в этом роде, но такого они не ожидали никак. Основная претензия арабов заключалась в том, что русские гарнизонные женщины не брали деньги за любовь... Надо сказать, что подобное я уже слышал в Москве, когда итальянские водители грузовиков, обслуживавшие крупные стройки столицы, обратились к властям города с жалобой, что русские бабы не берут денег. Возможно, что этот вопрос также дошел до самого верха, но в результате каждую субботу и воскресенье старенький УАЗик начальника гарнизона летал в Севастополь, куда добросовестно вывозились господа арабы на встречу с «правильными» женщинами, утвержденными особым отделом и политуправлением Черноморского флота.

Вероятно, из-за пренебрежения к советской нищете, (все молодые летчики были из богатых ливийских семей), и родовой африканской чванливости, арабы держались в Каче особняком и практически не мешались с курортной толпой. Это было всем на руку: за месяц я почти не видел бездельно слоняющихся, по обыкновению пожирающих плотоядным взором всех женщин, смуглых юношей, и не слышал о каких-либо стычках с русскими или душераздирающих семейных скандалов.

М.Каддафи и старые качинские ДОСы. 2000-е годы. По материалам Интернета

...Портвейн закончился, и Мишка ушел со своей невестой, заставив меня пообещать, что я непременно приду к ним в гости. Куда «к ним»? Эх! Ехал бы он лучше к себе в Москву! Я направился снова к стойке буфета, потому что вечер только начинался, но семейные обязанности Михаила не позволяли ему сидеть слишком долго. Семья, блин, понимаете!

Небольшая живая очередь проходила быстро, и, оказавшись у старой стойки, я попросил две бутылки вина. Немолодая буфетчица, неожиданно остановилась и, посмотрев на меня, грустно сказала: «Сережа, как ты вырос!». Я недоуменно уставился в знакомые постаревшие черты и к своему стыду с опозданием узнал в буфетчице близкую подругу своих хозяев, которая прекрасно знала меня с трехлетнего возраста. Пробурчав что-то в ответ, я подхватил бутылки и поспешил к выходу, проклиная свою популярность. Гарнизон-то маленький! Эх!

Выскочив на воздух, я снова с тоской подумал, что идти было решительно некуда. Гарнизонные танцы с местными одноклассниками уже были не для меня, *(это мы проходили!)*, а других значных мест в гарнизоне просто не было. Я уже собрался уходить, как вдруг заметил на ступенях ДОФа две женские фигуры в легких коротких платьях и вечных вьетнамках на загорелых, стройных ногах. В двух юных блондинках я узнал неразлучных пляжных принцесс-подружек, местных молоденьких русалок, которые, судя по всему, всю свою жизнь проводили на море. Я познакомился с ними на пляже в первый день, потому что выбора, просто, не было. Девчонки были тяжеловаты на разговор, но зря не ломались и прямо сказали, что только закончили школу. На вопрос об институте их лица скучнели, и жизненный выбор неуверенно выражался туманными фразами на неповторимом крымском диалекте: «Да, нэ знаю...мож, у Симфэрополь?..».

Качинские «дачи», 2000-е годы. По материалам Интернета.

«Мож, у Симфэрополь!», ехидно подумал я и решительно направился к выпускницам. Вон, у Мишки уже невеста на год их моложе, и ничего! К моей радости юные создания оказались на высоте, и предложение идти купаться прямо сейчас, считай в темноте, неизвестно с кем в сопровождении двух бутылок портвейна было принято серьезно, вероятно, такое случалось с ними не в первый раз. Надо признаться, что никаких коварных планов в отношении подружек я не строил и просто приглашал их для компании, хотя, кто их знает, этих пляжных обитательниц!

Что, опять!? Нет-нет, никаких связей. Не верите? Ну, и не надо! Я приехал отдыхать от всего, в том числе и от утомительных романов, тем более на юге. Да. Не пить же портвейн одному! Так что, как говорила знаменитая героиня русско-народного фильма «Бриллиантовая рука»:
«Только вино!»

Качинский закат, 2000-е годы. По материалам Интернета

Теплая морская вода под ярким лунным светом светила серебристым металлом и казалась вязкой. Смеясь разбрызгивая воду, мои юные знакомые с удовольствием плескались возле лестницы к моему убежищу, радуясь своей собственной компании. Особого желания перемещаться ближе к жилищу у меня не было, и я оставил все на волю случая и силу доброго крымского вина. Мы вылезли из воды, и я уже приготовился открывать бутылку, как неожиданно захрустевшая под тяжелыми шагами галька и прыгание в темноте электрических фонариков привлекли наше внимание. Из темноты, прямо к нам, бодро приближались три фигуры, в которых при ближайшем рассмотрении я узнал очередной патруль в составе двух рослых матросов со штык-ножами и щуплого молодого прапорщика. Бесцеремонно осветив фонарем нашу экзотическую компанию в пляжных нарядах, прапорщик тонким голосом сообщил свое твердое намерение проверить

документы. Девчонок, которых явно знали в гарнизоне абсолютно все, это не касалось, и вопрос предназначался исключительно мне. Вызывающий тон молодого прапорщика мне не понравился, но я не стал спорить, и молча направился наверх, к своей «даче», предвкушая скорую и сладкую победу. Матросы продолжали с ухмылкой светить на девчонок, которые, не особо смущаясь, натянули на себя свои платья и молча потащились за мной.

Кача, старое КПП, 2000-е годы. По материалам Интернета.

Звякая бутылками, прижав одежду к мокрому телу, я босиком поднимался по крутой бетонной лестнице, прислушиваясь к тихому перешептыванию патрульных матросов с моими спутниками, которых они, наверняка, видели не в первый раз. *Эх, молодежь!..*

Яркая лампочка без абажура резанула глаза, и я, как был, в одних плавках, протянул прапорщику удостоверение личности и отпускной билет. Для солидности посветив в бумагу фонариком, начальник патруля застыл на пару секунд, и весь заметно обмяк, выключил фонарик и жалобно посмотрел на меня. При ярком свете из гаражных дверей «дачи» я по достоинству оценил мешковатые, казенные брюки и любовно, по-дембельски согнутые новенькие погоны на плечах прапорщика, который, вероятнее всего, только начал служить, и ему страшно хотелось приключений. Парень не знал, что сказать, но я намеренно держал паузу, наслаждаясь победой. Здоровые матросы, которые на вид казались старше своего начальника, недоуменно застыли, на секунду оставив своих пляжных пленниц.

Армейская жизнь полна традиций. Хорошие и не очень они были так же важны в армии, как уставы и наставления самого разного вида. Общая, тотальная централизация Советской армии наложила отпечаток и на людей, и поэтому все военнослужащие армии и флота морально или физически принадлежавшие Москве, повсеместно воспринимались, как потенциальная угроза

провинциальному благополучию. Я был уверен, что мое офицерское удостоверение, выписанное в **Москве**, человеку родившемуся в **Москве**, с отпускным билетом из **Москвы** именно в Качу, кое-что значило. Для незадачливого прапорщика, который видел из Москвы только грозных полковников-проверяющих, нарваться на черт-знает-откуда свалившегося московского лейтенанта, которому ничего не стоило пожаловаться на его грубость «куда надо», было непростительно.

Кача, пляж. 2000-е годы. По материалам Интернета

Наконец я молча забрал свое удостоверение, парень привычно закинул новенькую фуражку на затылок, потом спохватился и натянул ее до самого носа.

- Э-э.. извините, товарищ лейтенант! Мы, тут, проверяем... на пляже. Приказ есть.. – залепетал прапорщик.

- Ладно, все нормально! – сжалился я. – Все в порядке. Давай!

Начальник патруля, как отпущенный без наказания солдат, радостно выпрямился, резво козырнул и напоследок выдал: «Хорошо отдохнуть!» Я сдержал себя чтобы не расхохотаться, представив нашу живописную компанию со стороны, но прапорщик уже что-то злобно бурчал своим ехидно ослабившимся дембелям, и через секунду, уже откуда-то сверху лестницы, я услышал грозное: «*Я те покажу! Бегом марш, бля!!*».

Вечер был явно испорчен, и я не стал задерживать своих пляжных красавиц, которые почему-то сильно засуетились и исчезли на темной лестнице в одно мгновение. Эх! Я стоял в ярком свете от двухсот-свечевой лампы, как был, в одних плавках, и лениво соображал, что делать дальше, когда за спиной, из темноты тихо донеслось: «Добрый вечер». От неожиданности я вздрогнул и сразу понял куда так сорвались мои легконогие пляжные «газели», почувствовав в темноте приближение опытного и сильного хищника. Я машинально посмотрел на две нераспечатанные бутылки вина, стоявшие на моей лежанке. По телу пробежала приятная дрожь, но я не оборачивался, потому что уже знал, что я увижу...

...Длинные ресницы и внимательные светло-серые глаза... фигура с ненатурально узкой талией кинозвезды 1940-х... кошачья походка и тихий, властный голос...

Ну, и что? Я вообще не говорил где я живу. Она сама пришла! Вот, поздоровайся с кем-нибудь на пляже после этого...

Крым. По материалам Интернета.

В последний раз я побывал «на Каче», как говорят в Крыму, во время бурных московских событий 1991 года. Мы с женой уехали с Курского вокзала в непривычно пустом вагоне, совершенно не предполагая, что в Москве происходили действительно исторические перемены. Крым встретил нас привычным теплом и провинциальным покоем, хотя, в двух шагах от Качи, на правительственной даче в Форосе, маялся самый любимый на Западе русский политический деятель тов. Горбачев.

Еще раз я вспомнил о маленьком крымском поселке через пять лет, когда пришел трудиться в небезызвестную DHL International. Один из молодых менеджеров компании, тоже выпускник ВИМО, оказался женат на качинской девчонке, которая прекрасно помнила меня по визиту в 1981-ом году. Более того, она была одноклассницей мишкиной голубоглазой подружки и жила в том же подъезде, что и наши качинские друзья.

Мир тесен, господа!